

Фронт и тыл

А.И. Куприн

ТЫЛОВЫЕ РАЗГОВОРЫ

— Вы знаете, что случилось вчера с русским рублем?

— Нет, не знаю.

— Тогда вы ничего не знаете. Утром он стоял в цене 18 пенни, но покупателей не было. В 12 часов его спрашивали у Фазера по 20-ти, но он уже успел повыситься до 22-х. И так в продолжение дня он продолжал себе скакать и скакать вверх, пока не дошел до 35-ти. А сегодня утром опять упал до 17 1/2.

— Вы играли?

— Нет, я не играл, но играл Григорий Ефимович. За сутки он успел сыграть три раза на повышение, а в четвертый сыграл а 1a baisse.

* * *

— Куда же в конце концов, моя милая, вы едете?

— Ах, дорогая, я в страшном затруднении... Хотелось бы в Лондон, но...

— Но?..

— Эти противные англичане! Вообразите, они не позволяют ввозить на свою территорию собак. Не правда ли, какой idiotский закон? А я ни за что не расстанусь с моим Фипси. Это такой очаровательный мальчик... И вот, придется поневоле ехать в Стокгольм.

— Душечка, я должна огорчить вас. В Швецию тоже не впускают с собаками.

— Да что вы! Какая нелепость!

* * *

— Представьте себе — германская марка опять пошла на повышение.

— Что же это значит?

— Что значит «что значит»? Это значит только то, что в Германии революции не будет, и, значит, мы с вами спокойно можем уехать в Берлин. Вы себе и вообразить не можете, как там любят нас, русских!

* * *

— Куда вы сегодня, Марья Львовна?

— Ах, у меня весь день разобран. Утром у нас дружеский пикник в Оггельбу... В пять фиф-о-клок в Феннии, но до него надо еще поспеть в комитет этих самых... как их... пострадающих... В оперу придется опоздать из-за переодевания. А ужинать мы приглашены в Сосьете⁵. Говорят, там случайно получены фленсбургские устрицы, а мой Пьер такой лакомка... Просто голова кружится. Устаю.

* * *

— Нет, вы войдите в мое положение! Армия Юденича почти в Петрограде. Я уже распорядился, чтобы упаковали мои чемоданы и поторопились с бельем. Нет, нет, я вовсе не стремился въехать в столицу на белом коне. Я заранее учитывал, что будет твориться в первых поездах... Давка, толкотня, и... рядом с тобой всякий сброд...

— Вполне с вами согласен, ваше сиятельство.

— И вдруг... отступление. Я был афраппирован. Я был вне себя. Возбудить столько надежд, тревог, волнений и... отступить. Я слов не могу подобрать, чтобы выразить свое негодование... Это... это — извините меня за резкость — это прямо какая-то недостойная игра на нервах! Вот что я скажу.

— Вполне с вами согласен, ваше сиятельство.

* * *

— Чем же вы объясняете успехи большевиков?

— Чем? Красным террором. Там, батюшка мой, не церемонятся. Не так взглянул — к стенке. У нас миндальничают. Завели в тылу армии социалистов, устроили какие-то совещания. С мужиком ведут переговоры о земле, вместо того чтобы его, подлеца, драть, как Сидорову козу. А в общем, для меня и красный и белый солдат одинаково противны... Хамы, трусы и грабители. Генералы же играют в либерализм.

* * *

— Никак не могу понять причины этого внезапного отступления.

— Не можете? А между тем дело ясное, как палец: черносотенство. В войсках шла самая открытая пропаганда монархизма. Солдат призывали к еврейским погромам и грабёжам населения. К демократически настроенному полное недоверие. Вот вам и крах.

* * *

Слышали анекдот о Вере Викторовне? У нее вышла вся краска для волос, и знаете, как она объяснила свою внезапную седину? «Я поседела от горя за мою бедную Россию в одну ночь».

Генерал-майор С.Н. Булак-Балахович и его адъютант, лето 1919 года.

Булак-Булахович: «Я знаю, некоторые из вас посмеивались над моим увлечением Тарасом Бульбой, который был естественный тип средневековья, но любил я его не столько за это, а за упорную непримиримость к врагу, за стойкость в христианской вере, свободолюбие и преданность своим товарищам. Он и погиб страшной смертью за эти идеалы. Я убежден, что скоро настанут страшные времена, которые по силе человеконенавистничества, жестокости и преследования христиан и вообще верующих в Бога превзойдут не только средневековье, но и жуткую эпоху ассирийских и египетских царей. Да, господа, скоро еще нам придется отвечать на вопрос: «Во Христа веруешь?», причем утвердительный ответ будет требовать немедленной защиты, с оружием в руках, христианской цивилизации. Поверьте мне, вопрос будет так поставлен, или победить, или влачить жалкую жизнь раба и лизать пятки большевистского хама!»

Св. Князь А.П. Ливен и капитан К.И. Дыдоров (справа) на фронте под Ригой, лето 1919 года. (из архива М.Ю. Блинова)

Полковник В.Ф. Рар

Куприн А.И. «Купол Св. Исаакя Далматского»

«...Ну и отличились же вскоре эти педагоги, эти ответственные друзья, вторые отцы и защитники детей!

Одновременно с вступлением белой армии приехали в Гатчину на огромных грузовых автомобилях благотворительные американцы. Они привезли с собою — исключительно для того, чтобы подкормить изголодавшихся на жмыхах и клюкве детей, — значительные запасы печенья, сгущенного молока, рису, какао, шоколаду, яиц, сахара, чая и белого хлеба.

Это были канадские американцы. Воспоминания о них для меня священны. Они широко снабжали необходимыми медицинскими средствами все военные аптеки и госпитали. Они перевозили раненых и больных. В их обращении с русскими были спокойная вежливость и христианская доброта — сотни людей благословляли их.

Со своей североамериканской точки зрения они, конечно, не могли поступить более разумно и практично, как избрать местных учителей посредствующим звеном между дающей рукой и детскими ртами. Ведь очень давно и очень хорошо, с самой похвальной стороны известен престиж американского учителя в обществе.

Но известно также — по крайней мере нам, — что в России «особенная статья». Таким густым, обильным потоком полилось жирное какао в учительские животы, такие живописные яичницы-глазуньи заворачали на их учительских сковородах, такой разнообразный набор пищевых пакетов наполнил полки учительских буфетов, комодов, шкафов и кладовок, что добрые канадцы только ахнули. Да надо сказать, что учительницы, которым доверяли детские столовые, оказались не лучше. Но эти злые мелочи не отвратили и не оттолкнули умную американскую благотворительность от прекрасного доброго дела.

Они только, через головы русской общественности, вынесли чисто практическое решение.

«Мы теперь должны позаботиться сами, чтобы на наших глазах каждая ложка и каждый кусок попали в детские рты по прямому назначению».

Так и сделали.»

А.И. Куприн, редактор газеты «Приневский край», 1919 год.

